

- *Кто такие Ангелы, бабушка?*
- *Наши близкие, кого уже забрали небеса...*
- *Почему же только близкие? А чужие?*
- *А чужим за нас зачем переживать? У них свои близкие есть...*

— Ich habe es nicht getan,* — пожилая женщина произнесла это тихо, на последнем вздохе, но молодой человек, склонившийся над ней, вздрогнул. Он ни на миг не усомнился, что она уже мертва, настолько бледным было лицо и неестественной поза, в которой та лежала на пушистом белом коврикe возле кровати.

Он скосил взгляд чуть правее и негромко вскрикнул. Выпрямившись, быстро осмотрел просторную спальню. Задержав взгляд на портьере, медленно, словно раздумывая, развернулся спиной к окну, сделал два шага влево и вновь склонился над телом. Осторожно разогнув пальцы женщины, достал овальный медальон на цепочке, положил в кармашек своей куртки. Покопался на странный предмет, валявшийся рядом с ковриком, аккуратно взял его двумя пальцами и спрятал в рюкзак. Туда же отправил прихваченную с прикроватной тумбочки книгу с вложенной в нее обычной школьной тетрадкой. Более не задерживаясь, быстро вышел из квартиры...

* Я не сделала это (нем.)

Глава 1

— Фрау Марта! Вы опять забыли закрыть дверь на защелку! — Лиза скинула в прихожей сапожки, сунула ноги в домашние тапочки и напрямик направилась на кухню. Пакет с продуктами оттягивал руку, она с облегчением опустила его на стул и энергично тряхнула кистью. Конечно, фрау Марта не поняла ни единого слова из сказанного ею, но Лиза собиралась повторить ей все это медленно, переводя жестами и указывая на предметы.

С первого дня знакомства, то есть с субботы, они обе пытались изъясняться, смешивая немецкие слова с русскими, порой запутывая друг друга и расходясь по разным углам, словно боксеры на ринге, улыбками сглаживая возникшую неловкость. Но вчера Лизе пришла в голову отличная идея привести к фрау Марте своего друга Шурку Огорелова, учившегося на инязе в университете. Тот быстро залопотал на немецком, старушка умильно слушала родную речь, иногда прикрывая веки и улыбаясь. Лиза почувствовала себя в их присутствии лишней, а потому ушла на кухню — обедала фрау Марта в одно и то же время, в два часа пополудни. Впрочем, расписание завтраков и ужинов было не менее четким: в восемь ноль-ноль утра и в семь часов вечера.

Соглашаясь заменить штатную горничную в этой квартире, Лиза предполагала, что сможет объясняться с новой гостьей с помощью приложения в смартфоне, но из этого ничего не вышло: она заметила недовольст-

во на лице фрау Марты, лишь только достала телефон из сумки и положила перед ней. Вздыхнув, виновато улыбнулась и пробормотала: «Извините». По-настоящему извинился за нее и объяснил фрау Марте создавшуюся ситуацию с отсутствием горничной, владеющей немецким языком, уже Шурка.

А ситуация и впрямь сложилась неожиданная для всех — для мамы Лизы, как менеджера риэлтерского агентства, для самой же горничной Ларисы, прикрепленной к квартире, и для, собственно, владельца этой доходной недвижимости Виктора Петровича Шведова, чьей любовницей до недавнего времени, как утверждала мама Лизы, была девушка. Неожиданно один из гостей, снявший жилье на время пребывания в городе, влюбился в Ларочку, не так давно окончившую институт сервиса, спешно женился на ней и увез в родной Краснодар. Ларочка по каким-то причинам не сочла нужным известить Шведова о переменах в своем статусе, уволившись в один день из горничных.

Буквально через неделю желание поселиться в означенных апартаментах на верхнем этаже элитного дома на набережной, из панорамных окон которого открывался шикарный вид на реку и город, выразила немецкая фрау весьма преклонных лет — Марта Эрбах...

Лиза сняла куртку, повесила на спинку стула и открыла холодильник. Молока она, пожалуй, зря не взяла — на полке одиноко стояла початая коробочка. Решив, что на утреннюю кашу хватит, Лиза разложила продукты по местам и прислушалась: в квартире царила не-

Марина Болдова

обычная тишина, хотя в это время фрау Марта была уже весьма активна. Прихватив куртку, чтобы повесить ее в прихожей в шкаф-купе, Лиза еще раз громко позвала гостью. Ответом была все та же тишина.

Позже, когда она пыталась толком объяснить следователю свои дальнейшие действия, ее сознание подсовывало одну и ту же картинку — она зачем-то методично обыскивает тумбочку возле кровати, затем комод и небольшой секретер. Видимо, не найдя искомого предмета, склоняется над телом фрау Марты. И только тогда начинает громко кричать. Успокоившись, уже вполне осознанно набирает номер полиции, а после — мамин.

«Что же я искала?» — Лиза смотрела на шевелящиеся губы полицейского и с трудом понимала, о чем тот спрашивает.

— Лизавета Александровна, о чем вы все время так напряженно думаете? Упустили что-то важное?

— Да... Я, кажется, поняла, что пропало у фрау Марты. Вчера она показывала медальон с портретом какой-то своей родственницы, если я ее правильно поняла, так как немецкого не знаю. Она сняла его с шеи, дала мне в руки, а когда я его вернула, положила вот сюда, — Лиза подошла к тумбочке и указала на небольшую круглую шкатулочку из бересты.

— Какого размера был медальон?

— Сантиметра четыре в длину, овальный, на крышке выгравированы инициалы, как мне показалось. Две буквы типа вензелей.

— Латинские? — полицейский что-то записал в блокнот.

— Нет! Вот, что меня и удивило: буквы были русскими — «к» и «ш».

— Фотография внутри цветная?

— Нет, что вы! Старый снимок, черно-белый, даже желтоватый какой-то. Лицо очень красивое!

— А шкатулка современная...

— А... фрау Марта ее вчера на набережной купила в сувенирном ларьке, там их много разного размера. Эта — самая маленькая.

— Вы сказали, не знаете немецкого. Как же вы общались с фрау Эрбах?

Лиза похолодела. Вот! И не в медальоне дело! Да, он пропал. Или лежит где-то в сумочке немки, не суть важно. А учебник Шурки! Вчера вечером, выходя из спальни, Лиза заметила его на прикроватной тумбочке как раз рядом с этой шкатулкой. А теперь его там нет! Его-то и искала она, пребывая, видимо, в шоковом состоянии и не отдавая себе отчета в действиях. И не нашла... «Шурка?!» — ужаснулась Лиза мысленно, но ответила следователю вполне спокойно.

— Да, в первый день мы изъяснялись с фрау Мартой знаками и жестами, — она мило улыбнулась. — А вчера переводчиком у нас был мой друг Шура Огорелов. Он учится на инязе в университете.

— Как его найти?

— Мы живем в одном подъезде, дружим с детства. Могу ему позвонить, — предложила она, доставая те-

Марина Болдова

лефон из кармана куртки, которую так и не донесла до прихожей, по пути заглянув в спальню.

— Не нужно. Просто найдите в списке его номер, — следователь протянул руку.

— Пожалуйста, — Лиза, успев открыть список контактов, отдала ему смартфон. — На букву «Ш» ищите — Шурка.

Нажав вызов, следователь внимательно посмотрел на Лизу. Жестом подозвав полицейского, он что-то сказал ему, показав запись в блокноте. Тот быстро вышел из спальни.

Она молча и, как ей казалось, спокойно ждала реакции следователя на фразу «абонент вне доступа», какую, она была уверена, услышит тот в ответ на звонок Шурке. В том, что друг отключил телефон или уже избавился от него, не сомневалась. Как и в том, что Шурка побывал утром в этой квартире до нее...

Глава 2

Старший следователь городской прокуратуры Егор Беркутов* с удивлением смотрел на девушку, до этого момента разговорчивую и вполне раскованную. Но при упоминании имени своего друга та вдруг напряглась и замкнулась. Легко считав нежелание говорить о Шуре Огорелове, как она того назвала, он решил дать

* Беркутов Егор Иванович — герой романов «Два сына одного отца», «Клетка семейного очага»

ей время самостоятельно осознать мысль, связанную с ним. То, что Лизавета Ведерникова имела что сказать, но боялась озвучить, Беркутову было ясно. Он молча ждал ответа на звонок, но по выражению лица девушки уже понял, что та уверена — ответа не будет.

— Возьмите, спасибо, — вернул он телефон, предварительно списав номер с экрана.

— А? Да... — девушка испуганно посмотрела на него, поморгала, сдерживая слезы, и тяжело вздохнула.

— Наверное, вам лучше все рассказать, Лизавета Александровна, — произнес Беркутов с сочувствием, прикидывая, насколько дорог той парень, которого, он не сомневался, она зачислила в убийцы немецкой старушки.

— Он не мог! — голос сорвался, выдавая волнение, и девушка вновь подошла к тумбочке. — Вот здесь вчера лежал Шуркин учебник немецкого, он забыл его. А сейчас его нет.

— То есть, Огорелов, по вашему мнению, был в квартире до вас.

— Да. Или поздно вечером после восьми, или рано утром. Но убить он не мог!

— Почему? — спокойно спросил Беркутов, в общем-то, веря ей.

— Потому что, Шурка — ботаник, трус и... он комаров не убивает, а смахивает рукой! — она в отчаянии посмотрела на Беркутова влажным взглядом и вновь часто-часто заморгала.

— Лизавета Александровна, присядьте, — он указал на кровать, а сам опустился на стул возле секретера.

Марина Болдова

Девушка вызывала в нем искреннюю симпатию, чем-то напоминала его приемную дочь Маринку*, по которой скучал отчаянно — та уехала за мужем к месту его службы в небольшой гарнизон под Питером.

— Хорошо. Я вам все расскажу, — решила девушка, а он облегченно вздохнул. — Шурку к фрау Марте привела я. Решила, пусть попрактикуется в разговорном немецком, да и мне легче будет общаться. Он пробыл с ней вчера практически весь день, они гуляли по набережной, даже на такси съездили к драмтеатру и на площадь. Вернулись к ужину довольные оба. Фрау Марта заранее попросила приготовить ужин на троих. Я сделала салат и запекла курицу, нарезала сыр и чиабатту. Фрау Марта много рассказывала о своем поместье где-то в округе Дармштадт, как перевел Шура, о розах в саду, ландшафте, обстановке в доме. Когда я спросила о родственниках, ответила, что это — отдельная история, и сегодня она не готова ее поведать. Показала нам тот медальон с портретом, хотела надеть на шею, повозилась с замком цепочки, что-то у нее не застегнулось, затем отнесла его в спальню. Я сидела лицом к двери и видела, как она положила его в эту шкатулку.

— Почему вы не упомянули об Огорелове, когда рассказывали мне о медальоне раньше, Лизавета Александровна?

* Марина Голованова — героиня романа «Два сына одного отца»

— Не знаю! Можете не верить, но мне показалось, что так... проще, что ли - не впутывать Шурку пока. Тогда я еще не поняла, что он был здесь без меня...

— После ужина вы ушли с ним вместе?

— Да. Пешком пошли домой, два квартала вверх по Базарной. И уже у подъезда он вспомнил, что учебник оставил у фрау Марты в спальне на тумбочке. Но не собирался за ним возвращаться!

— Где Огорелов сейчас, как думаете?

— Должен спать! Точно знаю, ему к третьей паре сегодня, а поспать он любит. Может быть, поэтому трубку не берет? — Лиза с надеждой посмотрела на Беркутова.

— Скоро мы все узнаем, — заверил ее Беркутов, подавая планшет с листами протокола опроса. — Распишитесь, Лизавета Александровна. Сначала: «С моих слов записано верно...», число и далее подпись на каждом листе.

«Арест парня — дело нескольких минут, если он, конечно, дома и спит. Хотелось бы верить, что не сбежал по дурости», — виновность Огорелова казалась сомнительной, слишком было бы глупо так подставляться, забирая учебник.

— Да, слушаю, — Беркутов ответил на входящий вызов. — Понял. Оставайтесь там. Лизавета Александровна, еще пара вопросов.

— Да? — Лиза вскочила с кровати, машинально поправив за собой покрывало.

Марина Болдова

— Куда, кроме университета, мог поехать Огорелов? Знаете его друзей, друг, сокурсников? Тех, кому он мог бы довериться.

— Он что, сбежал?! Ой, дурак... Куда? Да, не к кому ему податься, кроме меня! Я же говорю — ботаник! Или в компе сидит сутками, или спит. Ну, еще на лекции ходит.

— Что тут случилось?! Лиза?! — в комнату быстро вошла молодая женщина в сопровождении участкового полицейского, и у Беркутова на миг перехватило дыхание.

— Мамочка! — Лиза бросилась ей на шею и расплакалась.

— Беркутов? Ты как здесь оказался? — она неприязненно смотрела на него поверх плеча дочери, хмурясь все больше.

— Здравствуй, Алена, — Беркутов взял себя в руки. — Исключительно по службе.

— Понятно. А я — куратор договора с хозяином, работаю в агентстве «Ситиленд». Что здесь произошло?

Беркутов перевел взгляд на удивленную Лизу, внимательно взгляделся в ее лицо и все понял. Понял, почему она показалась ему смутно знакомой, даже ужаснулся, что не узнал сразу, не догадался, не почувствовал. Радость, страх, недоумение, обида смешивались друг друга, пока он рассматривал девушку, уже подозрительно косившуюся поочередно то на него, то на мать...

— Твоя дочь обнаружила тело вашей гостьи, — коротко ответил Беркутов.

— Вот как! Ее убили? И кто это сделал? Надеюсь, ты не подозреваешь Лизу? — она вновь обняла ее за плечи.

— Господин следователь считает, что убийца — Шурка, — тихо сказала Лиза, отводя от Беркутова взгляд.

— Кто? Шурик?! Кто угодно, но не он!

— Когда вы, Алена Юрьевна, видели его в последний раз? — перешел на официальный тон Беркутов.

— Рано утром, в семь. Он вышел из подъезда прямо передо мной, я окликнула его, но он не услышал.

— Куда он направился?

— Карке на въезде во двор. Я завела машину, созвонилась с клиентом, что выезжаю по адресу. Он в это время вышел на улицу. Когда двигалась по Вознесенской, Шурку не видела. Хотела предложить подвести его к университету, мне как раз в ту сторону. Но он, видимо, повернул из арки налево и уже завернул за угол.

— Почему вы решили, что он поедет на учебу?

— А куда еще? В руках у него был рюкзак...

— Ему только к третьей паре сегодня, мам.... Да и к первой в семь утра рано!

— Да? — она пожала плечами. — Ну, не знаю. Какие основания имеются, чтобы обвинять парня в убийстве?

— Алена Юрьевна, мне необходимо задать вам несколько вопросов, — не отвечая ей, Беркутов указал на кровать, где недавно сидела ее дочь. — Лизавета Александровна, выпишите мне из вашего телефона все контакты, общие с Огореловым. Есть же у вас друзья, одноклассники?

— Хорошо, — девушка вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Беркутов решил, что не та здесь обстановка, чтобы говорить о главном. Сейчас он опросит Алену по делу официально и без эмоций. Хотя они, эмоции, так и рвутся наружу, чтобы обвинять и упрекать. Или... каяться? Он не сдержался и дотронулся до руки отвернувшейся к окну женщины. Та дернулась, бросив на него злой взгляд.

— Беркутов, оставь эту... фамильярность. Несколько неуместно, не находишь? Задавай свои вопросы, у меня сегодня еще масса дел. Понимаю, что не отделаюсь от тебя, пока не поговорим. Ладно, предлагаю встретиться часов в пять на нейтральной территории. Например, в кофейне на углу Панской.

Он лишь согласно кивнул. Эту страницу прошлого пора было дописать. Закрывать решением еще одной загадки, вспоминаемой хотя и редко, но с болью и недоумением. Ему очень хотелось знать, просить ли прощения или прощать самому, до того нелепо оборвались отношения с Аленой чуть больше двадцати лет назад...

Глава 3

Любопытство не давало Лизе сосредоточиться на подготовке к коллоквиуму. Две более важные темы, чем какие-то там вопросы по Римскому праву, тревожили и заставляли нервно подсказывать к окну — не въезжает ли в арку мамина «реношка», либо выходить

в коридор — вдруг да хлопнет дверь в квартиру непутевого друга.

Выглядывала в окно она каждые две-три минуты: с такой частотой доносился с улицы хлопаящий звук от колес машин, проезжающих по апрельским лужам. И одновременно пыталась сообразить, куда мог деться Шурка. Ее сосед, друг, почти брат, подопечный. Волшебнo преображаясь в делового современного юношу, когда в этом возникала необходимость, в быту Шурка не мог почистить картошки, сварить макарон или сосисок, чем бесил ее, Лизу, чрезвычайно. Она пыталась обучить его элементарной готовке, потому как не всегда могла кормить верзилу, просыпаясь раньше его и уезжая на лекции в университет. Ключ от его квартиры лежал в комоде на самом видном месте, в легкой доступности.

Шуркина мама, выйдя замуж и отбывая на жительство в Германию, слезно просила Лизу «присмотреть за мальчиком». У Лизы даже не возникло мысли отказать, она лишь поцеловала на прощание совсем раскисшую тетю Нелли, вторую свою маму и просто подружку, всхлипнув вполне искренне. С кем она сможет поделиться девичьими секретами после ее отъезда, не представляла. Родная матушка для этого никак не годилась — стена непонимания между ними выстроилась как-то сама собой, дистанцию мама соблюдала строго, любя дочь по-своему: безумной любовью к так и не повзрослевшему, по ее мнению, младенцу, требующему лишь заботы и поучений. Считая Лизу несмышленишем (и это в двадцать-то Лизиных лет!), матушка чет-

Марина Болдова

ко отслеживала, завязан ли шарф, съеден ли полезный завтрак и не обидел ли кто ее девочку: найти и наказать преступника (никак не меньше) матушка кидалась, не разбираясь.

Поэтому Лиза ничуть не удивилась, поймав сегодня злой ее взгляд, брошенный на следователя. Удивление пришло следом — эти двое явно были знакомы. И с давних времен...

По ее расчетам, матушке пора бы и объявиться, если только они с Беркутовым, как тот представился, не договорились на встречу. А скорее всего, так и есть.

Лиза насторожилась, услышав посторонний звук. «Ба, да это городской телефон трезвонит!» — кинулась она к единственному аппарату, висевшему на стене в прихожей со времен стойкого социализма. Выкинуть это черное чудище и заменить трубкой с базой не дал Шурка, показав ей в интернете цены на вещи той эпохи. Она тогда слегка обалдела — за пионерский значок просили сто рублей! В продаже были приемники с проигрывателями для пластинок, красные флаги разных размеров, даже коричневая школьная форма с жутким черным фартуком для девочки...

Никто этим агрегатом связи не пользовался, да он и не звонил много лет, хотя и исправно оплачивались счета от «Ростелеком».

— Алло! — Лиза не сразу сообразила, что не нужно нажимать никаких зеленых кнопок, чтобы услышать собеседника, достаточно снять трубку с метал-